

УДК 398.4; 398.54

DOI: 10.31040/2222-8349-2021-0-3-96-102

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В СРЕДЕ БЕЛОРУСОВ БАШКИРИИ

© Е.А. Чегодаев

Посвящена политическим репрессиям в среде белорусов Башкирии в 30-х гг. XX в. До настоящего времени этот этнос остается одним из мало изученных народов республики, что явилось следствием многолетнего приоритета в исследованиях титульного башкирского этноса на фоне этноцентризма исторической науки страны. Количество публикаций, посвященных белорусам Башкирии, продолжает оставаться незначительным до сих пор, и большей частью они размещены в периодической печати, имеют, как правило, журналистско-краеведческую, научно-популярную, справочную или обзорную направленность. Впервые перед исследователем стояла задача выявить динамику репрессивных мер по отношению к этнической группы белорусов, компактно проживавших в сельской местности региона. Произведенным анализом данных «Книги памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» установлено, что сельские жители из числа белорусского этноса пострадали в большей степени на начальных этапах массовой коллективизации. что подтверждает зажиточность переселенцев, приобретенную в период функционирования хуторской системы хозяйствования, а также и то, что репрессии в отношении белорусов не имели этнической окраски, как у их соседей по хуторскому проживанию латышей. В качестве примера рассмотрены архивно-следственные дела ФСБ по Республике Башкортостан от 1931 г. Рассмотрена судьба переселенца позднего периода, эмигрировавшего в Советский Союз в 1926 г. с территории Западной Белоруссии.

Ключевые слова: переселенцы, белорусы, Уфимская губерния, БАССР, крестьянское хозяйство, ГПУ, репрессии.

Белорусы Башкирии (Республики Башкортостан, Башкирской АССР, далее – БАССР) до настоящего времени остаются одним из мало изученных народов республики, что явилось следствием многолетнего приоритета в исследованиях титульного башкирского этноса на фоне этноцентризма исторической науки страны. Количество публикаций, посвященных белорусам Башкирии, продолжает оставаться незначительным до сих пор, и большей частью они размещены в периодической печати, имеют, как правило, журналистско-краеведческую, научно-популярную, справочную или обзорную направленность. Нет ни одной монографической этнографической работы, посвященной белорусам Южного Урала [1] и ни одной монографической работы по истории белорусов Башкортостана, в связи с чем большинство наших граждан имеют весьма поверхностные знания об этих старожилах края. Редкими исключениями являются научные работы обобщающего характера С.Н. Шитовой, автора раздела о белорусах в коллективной монографии «Народы Башкортостана» [2] и Ф.Г. Галиевой

в коллективной монографии «Этносы и культуры в единой семье Башкортостана» [3]. Ею же подготовлены сборники по фольклору, собранную преимущественно Ф.Г. Галиевой в ходе полевой работы, с развернутыми вступительными статьями и комментариями [4].

Из имеющихся публикаций большую ценность представляют также издания, посвященные крестьянству. В 1928–1930 гг. Башкирской экспедицией Академии наук СССР под руководством С.И. Руденко проведены комплексные исследования населения республики. Особенности земледелия и животноводства у народов башкирской республики, включая белорусов, изучал этнологический подотряд экспедиции под руководством А.С. Бежковича [5]. В 1997 г. уфимский историк М.И. Роднов опубликовал работы, посвященные сельскохозяйственной переписи 1917 г., со статистическими сведениями о крестьянском, в том числе белорусском населении Бирского и Уфимского уездов Уфимской губернии [6–7]. В дальнейшем эта работа им была продолжена и по другим уездам Уфимской губернии.

Впервые численность белорусского населения в Уфимской губернии зафиксирована переписью 1897 г. и составила 440 чел., из которых сельских жителей – 424 чел. [8]. Существенный приток белорусов произошел в результате Столыпинской аграрной реформы. Переселение шло из Гродненской, Могилевской, Витебской, Гомельской и др. губерний. Согласно переписи 1912–1913 гг., белорусы проживали в трех уездах Уфимской губернии в количестве 7672 чел. [8, с. 29]. В Уфимском уезде – в Иглинской, Караякуповской, Нагаевской, Новоселовской, Свято-Гроицкой и Урман-Кудейской волостях; в Белебеевском уезде – в Альшеевской, Имянликуливской, Казангуловской и Ильинской волостях; в Стерлитамакском уезде – в Дуван-Табынской, Ильчик-Темировской, Калкашевской, Кармышевской волостях.

В период Первой мировой войны в Уфимскую губернию стали пребывать и белорусские беженцы. Так, только в поселке Шакша под Уфой нашли приют около 70 семей из Гродненской губернии [9, с. 312]. В 1926 г. численность белорусов в Башкирской АССР 18281 чел., из которых 17905 чел. – сельские жители [10], т.е. абсолютное большинство (97,9%). К 1939 г. численность белорусов в БАССР составила 23761 чел. [11]. Данные о количестве городских и сельских жителей отсутствуют.

Одной из малоизученных исторических проблем остаются политические репрессии в 30-х гг. XX в. Целью статьи является расширение знаний о белорусах Башкирии в свете истории указанного периода. Это первый опыт такого исследования в отношении этнической группы белорусов, компактно проживавших в сельской местности региона. Также поводом для изучения проблемы послужил не затихающий интерес граждан страны к жертвам политических репрессий. Память о них еще не скоро станет такой же консолидирующей силой в обществе, как в случае с Великой Отечественной войной. Поэтому необходимость в исследовании вызвана не только восстановлением справедливости и недостаточной изученностью проблемы, но и формированием общественного сознания.

К изучению проблемы подтолкнули автора и беседы с сельскими жителями в период полевых исследований 2010–2020 гг., во время которых приходилось слышать, что политическим репрессиям 30-х гг. XX в. народы Башкирии подверглись далеко не в равной степени. Один из информантов даже заявил, что «Органы

НКВД к белорусам относились более лояльно, чем, например, к латышам, и репрессии их почти не затронули». Конечно, такая трактовка событий не может соответствовать исторической правде, репрессиям подвергались граждане независимо от этнической принадлежности, но происходило это нередко под влиянием внешнеполитической обстановки и внутреннего положения в стране.

В период Большого террора НКВД СССР провел ряд национальных репрессивных кампаний. Сначала против поляков, а в последующем и других народов. В большей степени они коснулись представителей западных этнических меньшинств, у которых материнский этнос имел свои национальные государства. Поэтому не было причины выделять белорусов по национальному признаку как этнос, проживающий в своем большинстве на территории Советского Союза. Исключение составляли только жители западных областей, выходцы и перебежчики с территорий Польши и Прибалтийских стран.

Важным источником информации для написания настоящей статьи являются данные из 7-томного издания «Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» [12], в котором зафиксированы граждане, арестованные в связи с привлечением к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления), в дальнейшем реабилитированные. Другим наиболее важным источником можно считать документы, полученные непосредственно из архива ФСБ РФ по Республике Башкортостан [13].

Многим известно имя этнического белоруса, маршала авиации Ивана Пстыга – Героя Советского Союза, кавалера множества советских и иностранных наград, в том числе и семи орденов Красного Знамени, уроженца Архангельского района Башкирии. Но мало кто знает, что его отец Пстыга Иван Григорьевич, был репрессирован в 1937 г. [12, Т. 4, с. 272], как и многие другие сельские жители Башкирии.

Политические репрессии не ограничивались рамками 58-й статьи уголовного кодекса РФ. В период коллективизации массовое выселение крестьян в спецпоселки производилось и в административном порядке. Об этих ссыльных имеются данные на сайте «Открытый список». Но доступ к архивным делам пока еще затруднен.

Методология исследования репрессий по отношению к белорусам Башкирии основана на принципах историзма, сравнительно-типоло-

гическом (обобщение и анализ обширного материала на синхронном и диахронном уровнях) и сравнительно-историческом (изучение этноса в процессе исторического развития) методах исследования. Использовались специальные методы полевой этнографии: опрос в форме интервью по заранее составленному вопроснику, простое и включенное наблюдение. Также проведена археографическая работа (с документами архива ФСБ по Республике Башкортостан). Изучены опубликованные справочные издания. Комплексный подход позволил аналитически сопоставить выявленные источники и реконструировать события тех лет.

В 9-томном издании «Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан» зафиксировано 629 арестованных белорусов, представлявших все социальные слои общества. В том числе 27 женщин (4.3%). Расстреляно 118 чел. или 18.75%. Произведенным подсчетом сельских жителей выявлено 331 чел., непосредственно занятых в сельском хозяйстве или его техническом и административном обеспечении. Это единоличники, колхозники, работники МТС, сельских советов, а также арестованные за религиозную деятельность, члены церковного совета деревни Артакул Байкибашевской волости Бирского кантона. Незначительная погрешность, не оказывающая существенное влияние на полученный результат, связана с тем, что у двух жителей отсутствуют данные о местности проживания: это у И.Н. Антипова, который работал кузнецом, и у Я.М. Вакульчика – плотника.

Динамика количества арестов репрессированных белорусов из числа сельских жителей Башкортостана

Год	Кол-во арестованных	Год	Кол-во арестованных
1920	1	1937	48
1928	3	1938	22
1929	8	1939	0
1930	64	1940	3
1931	103	1941	10
1932	20	1942	6
1933	12	1943	1
1934	6	1944	1
1935	4	Дата ареста отсутствует	8
1936	11		
		итого	331

Как видно из приведенных данных, наибольшее количество арестов сельских жителей приходится на первые годы коллективизации, в период с 1929 по 1933 г., когда было арестовано 207 чел. или 62.5% от общего числа взятых под стражу. Второй этап, как и предполагалось, произошел в 1937–1938 гг., в этот период было арестовано 70 чел. или 21.1%.

Для сравнения рассмотрим данные репрессий латышского этноса, с которыми соседствовали белорусы. В 1926 г. численность латышей в Башкирской АССР 7045 чел., из которых 6675 чел. – сельские жители [11], т.е. также абсолютное большинство (94.8%). К 1939 г., численность латышей в БАССР составляла 6692 чел., т.е. за 13 лет после переписи 1926 г. их численность сократилась на 353 чел. Но достоверность переписи 1939 г. вызывает сомнения, если проанализировать данные, опубликованные в «Книге памяти жертв политических репрессий». К началу указанного года по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления) в Башкирии было осуждено 656 латышей. Приговорено к высшей мере наказания и расстреляно 418 чел. (63.7 % от общего числа осужденных). Подсчет произведен по данным, опубликованным в «Книге памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан». В число осужденных не вошли крестьяне, ранее сосланные на спецпоселение. Всего же за годы репрессий латышей было арестовано 784 чел., из которых 424 чел. расстреляно (54.1%).

В связи со значительным ареалом расселения белорусов в БАССР, аресты 1937–1938 гг. могли остаться незамеченными для ранее упомянутых информантов, и наблюдение о том, что белорусский этнос менее пострадал в сравнении с латышами, отчасти соответствует действительности. Несмотря на то что второй этап репрессий характеризуется меньшим числом арестованных, наказания стали более жестокими. Так, если в период с 1929 по 1933 г. было расстреляно 13 чел., то с 1937 по 1938 г. уже 27 чел. Об ужесточении репрессий говорит и то, что если в первый период 45 чел. были освобождены от наказания, а 41 чел. отправлены в ссылку, то с 1937 по 1938 г. освобождены только 6 чел. и 1 чел. отправлен в ссылку. Большинство арестованных были приговорены к различным срокам лишения свободы.

О том, как сельские жители привлекались к уголовной ответственности за деятельность,

расцениваемую как антисоветскую на начальном этапе колхозного строительства, можно увидеть на примере обвинительного заключения из предлагаемого к рассмотрению архивно-следственного дела. В марте 1931 г. в Надеждинском сельсовете Нуримановского района Башкирии (в настоящее время Иглинский район) были арестованы 14 крестьян, 13 из которых осуждены [13. ВФ № 7103]. Среди арестованных 12 белорусов, переселенцев из Могилевской и Гродненской губерний, один латыш Плауде Петр Петрович, уроженец Ауструмской латышской колонии и Рудзь Степан (Стефан) Максимович, также этнический белорус, уроженец Западной Белоруссии, перебежчик из Польши.

Материалы данного дела в мае 1941 г. по запросу НКВД были отправлены в Белорусскую ССР и утеряны в период военного времени. Дубликат, хранящийся в архиве ФСБ Башкирии, частично восстановлен в августе 1960 г. в связи с просьбой С.М. Рудзь о реабилитации супруга. Из документов утраченного дела имеется только копия обвинительного заключения, составленного Особым отделом ГПУ 22.05.1931 г. Протоколы допросов, другие документы, подтверждающие антисоветскую деятельность фигурантов дела, отсутствуют.

Уголовное дело типично для данного исторического периода. Обвиняемым вменялись преступления контрреволюционного характера на основании не конкретных противоправных действий, а по совокупности прегрешений, как прошлых периодов, уже амнистированных, так и предполагаемых, на основании зачастую косвенных улик. Можно выделить следующие: это создание контрреволюционной организации и участие в ее составе в борьбе против Советской власти; причастность к событиям гражданской войны на стороне противоборствующей стороны на основании «улик», добытых во время обысков; антисоветская агитация.

Так, согласно обвинительному заключению, все арестованные состояли в кулацкой антисоветской группировке. Некоторые участвовали в гражданской войне на стороне белых. Например, Горбачев Лука Лаврентьевич в 1918–1919 гг., будучи сельским старостой, выдал белогвардейцам скрывающегося раненого красноармейца, который был расстрелян, заставлял отдельных крестьян собирать белогвардейцам хлеб.

Особо отмечалась антисоветская агитация арестованных. Так, Гук Гавриил Егорович в ян-

варе 1931 г. с целью дискредитации пионерской организации повязал собаке на шею красный галстук и заявил: «У меня детей в пионерах нет, так пусть собака поносит галстук».

Все эти прегрешения часто формально давали повод к репрессиям против неугодных зажиточных крестьян.

Особняком от остальных фигурантов этого дела стоит колхозный счетовод и школьный учитель Рудзь Степан Максимович. Он не был крестьянином-переселенцем и в Башкирию попал вынужденно как перебежчик из Польши в 1926 г. В 30-е гг. прошлого века некоторые участники коммунистического подполья Западных стран скрывались от преследования властей на территории Советской страны. Его судьба во многом схожа с судьбами других эмигрантов, но в то же время она по-своему уникальна и заслуживает более подробного рассмотрения.

С.М. Рудзь, активный участник коммунистического движения Западной Белоруссии, перебравшись в СССР, был арестован и осужден на 4 года особого учета и вольного поселения за нелегальный переход границы [13. ВФ № 7103. Л. 66]. Находился 3 месяца в Уфимской тюрьме, по освобождению из которой Башнаркомпросом направлен на работу учителем в поселения белорусских крестьян. С ноября 1926 г. проживал на Еловских хуторах Надеждинского сельсовета Нуримановского района, где принимал активное участие в укреплении Советской власти. Создал комсомольскую ячейку, ликбез, художественную самодеятельность. Под его непосредственным руководством была впервые организована школа, где С.М. Рудзь первое время был единственным учителем и заведующим.

Но жизнь в СССР оказалась далеко не такой, как он ее представлял. При аресте органами ГПУ в 1931 г. был обвинен в том, что он состоял в антисоветской кулацкой группировке, вел контрреволюционную деятельность, поддерживая кулачество, способствовал вступлению их в колхоз с целью освобождения от государственных повинностей [13. ВФ № 7103. Л. 80]. Постановлением тройки ОГПУ БАССР от 24.05.1931 г. на основании ст. ст. 58–10 ч. 1 (антисоветская пропаганда и агитация) и 58–11 (деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений) УК РСФСР был заключен в исправительно-трудовую колонию сроком на 10 лет. Отбывая наказание в Мордовии в Темниковском лагере ОГПУ, в тот же год совершил побег. Уди-

вительно, но, находясь во всесоюзном розыске, сумел добраться до государственной границы и нелегально ее перейти в декабре 1931 г. [13. ВФ № 7103. Л. 13]. По-видимому, помог опыт предыдущих многочисленных переходов. Вернулся на родину уже убежденным противником Советской власти, вследствие чего сообщил полиции о 19 бывших товарищах, с которыми участвовал в коммунистическом подполье. Исходя из опыта жизни в СССР убеждал людей в том, что Советская власть издевается над народом. Занимался продажей антисоветской литературы, в том числе сочинений белорусского драматурга и писателя Франтишека Олехновича «В Советском раю», и «У кіпцюрох ГПУ» (В когтях ГПУ), которые в период ВОВ активно использовались в пропагандистских целях и немцы [13. ВФ № 7103. Л. 67]. В марте 1961 г. во время дополнительного расследования в связи с реабилитацией С.М. Рудзь была опрошена его сестра Н.М. Рудзь, которая сообщила, что после войны она получила письмо от сына М.Ф. Рудзь, в котором тот сообщал, что живет в Англии вместе с дядей Рудзь Степаном. При каких обстоятельствах они там оказались, неизвестно. Умер Степан Максимович Рудзь в 1967 г. там же в Англии в возрасте 76 лет [14].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Политические репрессии в период 30-х гг. прошлого века затронули в большей степени белорусских крестьян Башкирии на начальном этапе колхозного строительства, что подтверждает зажиточность переселенцев, приобретенную в период функционирования хуторской системы хозяйствования. Репрессии не имели этнической окраски, как это было в отношении латышей, пик репрессий у которых пришелся на 1937–1938 гг.

При рассмотрении архивного материала – группового уголовного дела от марта 1931 г., выявилось, что алгоритм расследования и получение необходимых следствию доказательств носил отработанный шаблонный характер. Это массовый арест, необоснованное обвинение в создании организованной преступной группировки, добыча улик посредством обысков и допросов, вынесения обвинения в антисоветской агитации на основании отдельных высказываний и реплик, усиление эффекта преступной деятельности посредством обращения к прошлым, уже амнистированным преступлениям, отсутствие смягчаю-

щих обстоятельств даже у активных борцов за Советскую власть.

Возбуждение таких уголовных дел было далеко не единичным случаем. Аналогично были осуждены 297 человек по так называемому делу контрреволюционной повстанческой организации «Освободители» [13. ВФ № 20192]. В январе 1930 г. в Иглинском районе Башкирии и в городе Уфе было арестовано 297 человек разных национальностей: русских, башкир, украинцев, а также 25 латышей и 29 белорусов. Среди привлеченных к уголовной ответственности большинство крестьяне, а также торговцы, бывшие белые офицеры и 30 человек духовенства. Большинство из них осуждены к длительному лишению свободы, а 88 человек расстреляны.

Среди тех, кого приговорили к высшей мере наказания, был и белорус Кот Адам Александрович, считавшийся одним из руководителей повстанческой организации, готовивших восстание против Советской власти. Реально же антигосударственной деятельностью занимались всего несколько молодых людей, которые распространяли рукописные и печатные антисоветские листовки и даже убили милиционера. Так действия нескольких человек стали удобным поводом для властей к подавлению недовольства в среде крестьянского населения региона в период массовой коллективизации. Опыт, полученный органами ГПУ, при фабрикации этого дела, получил применение и дальнейшее развитие в период массовых репрессий 1937–1938 гг.

Трагические события 30–40-х гг. прошлого века: политические репрессии, депортации внесудебном порядке затронули в основном мужскую часть населения. Во многих семьях того периода остались только женщины, старики и дети, что привело к демографическому кризису и усилению ассимиляции белорусов русским этносом, в результате – существенное сокращению их численности. Согласно переписи 2010 г., в Башкортостане проживало белорусов 11680 человек. Очередная перепись населения запланирована на сентябрь 2021 г.

Литература

1. Галиева Ф.Г. Белорусы Башкортостана: этнокультурный образ // Ватандаш. № 5. Уфа, 2018. С. 179–185.
2. Шитова С.Н. Белорусы // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 295–317.

3. Галиева Ф.Г. Белорусы. Этнос и культуры в единой семье Башкортостана. М., 2018. С. 305–318.

4. Белорусский фольклор в Башкортостане. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. 128 с.

5. Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX – начало XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа, 1973. С. 61–93.

6. Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. 122 с.

7. Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. 191 с.

8. Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья: с этнографической картой и дополнениями к ней. Л.; 1926. 37 с.

9. Миграция военного времени (1914–1920) в Уфимской губернии // Сборник документов и материалов. Уфа, 2015. 374 с.

10. Национальный состав населения БАССР (таблицы по данным 1926 г.). Уфа, 1926. 56 с.

11. Демоскоп: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoskope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=61 (дата обращения: 09.02.2021).

12. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан: в 9 т. Уфа, 1997. Т. 1. 461 с.; 1999. Т. 2. 528 с.; 2001. Т. 3. 631 с.; 2003. Т. 4. 630 с.; 2005. Т. 5. 630 с.; 2008. Т. 6. Дополнительные списки. 407 с.; 2011. Т. 7. Дополнительные списки. 407 с.

13. Архив Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Башкортостан.

14. MuHeritage: Исторические отчеты и семейные деревья об Stefan Rudz. [Электронный ресурс]. URL: http://www.muheritage.com/names/stefan_rudz?lang=RU (дата обращения: 09.02.2021).

References

1. Galieva F.G. Belorusy` Bashkortostana: e`tnokul`turny`j obraz [Belarusians of Bashkortostan: ethno-cultural image] // *Vatandash*. Ufa, 2018, no. 5, pp. 179-185.

2. Shitova S.N. Belorusy` [The Belarusians]. The peoples of Bashkortostan: historical and ethnographic essays. Ufa, 2002. pp. 295-317.

3. Galieva F.G. Belorusy` E`I kul`tury` v edinoj sem`e Bashkortostana [Belarusians. Ethnoses and cultures in a single family of Bashkortostan]. Moscow, Pero, 2018. pp. 305-318.

4. Belorusskij fol`klor v Bashkortostane [Belarusian folklore in Bashkortostan]. / comp., author of the introductory article and comments by F.G. Galiev. Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2020. 128 p.

5. Bezhkovich A.S. E`tnicheskie osobennosti zemledeliya u narodov Bashkirii (XIX- nachalo XX v.) [Ethnic features of agriculture among the peoples of Bashkiria (XIX – early XX century)]. // *Archeology and Ethnography of Bashkiria*. Ufa, 1973, vol. 3, pp. 61-93.

6. Rodnov M.I. Krest`yane Birskego uezda po perepisi 1917 goda [The peasants of the Birsky uyezd according to the census of 1917]. Ufa: Gelem; 1997, 122 p.

7. Rodnov M.I. Krest`yanstvo Ufimskego uezda po perepisi 1917 goda [The peasantry of the Ufa district according to the census of 1917]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the UNC RAS, 1997, 191 p.

8. Fielstrup F.A. E`tnicheskiy sostav naseleniya Priural`ya: s e`tnograficheskoj kartoj i dopolneniyami k nej. [The ethnic composition of the population of the Urals. With an ethnographic map and additions to it]. Leningrad: Edition of the Academy of Sciences of the USSR; 1926, 37 p.

9. Migraciya voennogo vremeni (1914–1920) v Ufimskego gubernii [Wartime migration (1914–1920) in the Ufa province]. Collection of documents and materials. compiled by G. V. Mordvintsev [et al.]. Ufa: Eastern Economic and Humanitarian University, 2015, 374 p.

10. Nacional`ny`j sostav naseleniya BASSR (Tablicy po danny`m 1926 g.). [The national composition of the population of the BASSR (Tables according to the data of 1926).]. Ufa: Publication of the State Planning Commission of the Bashkir ASSR, 1926, 56 p.

11. Demoskop; Vsesoyuznaya perepis`naseleniya 1939 goda. Nacional`ny`j sostavnaseieniya po regionam. [Demoskope: The All-Union Population census of 1939. The national composition of the population by region]. [Electronic resource]. URL: http://www.demoskope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=61 (assessed date: 09.02.2021).

12. Kniga pamyati zhertv politicheskix repressij Respubliki Bashkortostan: v 9 t. [The book of memoru of the victims of political repression of the Republic of Bashkortostan: in 9 volumes]. Editor-in-chief H.H. Ishmuratov. Ufa: 1997. Т. 1. 461 p.; 1999. Т. 2. 528 p.; 2001. Т. 3. 631 p.; 2003. Т. 4. 630 p.; 2005. Т. 5. 630 p.; 2008. Т. 6. Additional lists. 407 p.; 2011. Т. 7. 461 p.; 1997. Additional lists. 407 p.

13. Arxiv Upravleniya federal`noj sluzhby` bezopasnosti Rossijskoj Federacii po Respublike Bashkortostan (dale – Arxiv UFSB RF po RB). [Archive of the Department of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Republic of Bashkortostan (hereinafter – the Archive of the FSB of the Russian Federation for the Republic of the Bashkortostan)].

14. MuHeritage: Istorichskie otcheti` I stmejn`ya ob Stevan Rudz. [MuHeritage: Historical reports and family trees about Stevan Rudz]. [Electronic resource]. URL: http://www.muheritage.com/names/stefan_rudz?ia ng=RU (assessed date: 09.02.2021).

POLITICAL REPRESSION AMONG THE BELARUSIANS OF BASHKIRIA

© **Е.А. Chegodaev**

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences;
6, ulitsa K. Marks, 450077, Ufa, Russian Federation

The article is devoted to political repressions among Belarusians of Bashkiria in the 30s of the XX century. To date, this ethnic group remains one of the little-studied peoples of the republic, which was a consequence of the long-term priority in the research of the titular Bashkir ethnic group against the background of the ethnocentrism of the historical science of the country. The number of publications devoted to the Belarusians of Bashkiria continues to remain insignificant until now, and most of them are published in the periodical press, as a rule, they have a journalistic, local history, popular science, reference or review orientation. For the first time, the researcher was faced with the task of identifying the dynamics of repressive measures against the ethnic group of Belarusians who lived compactly in rural areas of the region. The analysis of the data of the "Book of Memory of the Victims of Political Repression of the Republic of Bashkortostan" has established that rural residents from among the Belarusian ethnic group suffered more at the initial stages of mass collectivization. This confirms the prosperity of the settlers acquired during the functioning of the farm system of management, as well as the fact that the repressions against Belarusians did not have an ethnic coloring, like their neighbors in the farm residence of Latvians. As an example, the archival and investigative cases of the FSB in the Republic of Bashkortostan from 1931 are considered. The fate of a late-period migrant who emigrated to the Soviet Union in 1926 from the territory of Western Belarus is considered.

Key words: immigrants, Belarusians, Ufa province, BASR, peasant economy, GPU, repression.